

Повтор как средство художественной выразительности в поэзии Н. Рубцова

В статье исследуются различные виды повторов в поэтической речи Н.М. Рубцова, устанавливаются их семантические и функциональные особенности. Анализируются случаи корневого лексического повтора, способы синтаксической организации повторяющихся элементов (параллелизм, анафорические построения). Рассматриваются как особые образования в структуре текста рефрен и обрамление (инклюзия), выявляется их роль в выражении содержания текста и стилистические функции. В результате анализа установлено, что повтор для поэта – основополагающий принцип структурно-семантической организации текста, один из способов выражения субъективной модальности, авторского отношения к изображаемому, значимое средство выразительности, создающее неповторимый стиль писателя и большой силы экспрессию в художественном тексте.

Ключевые слова: *Н. Рубцов; стилистическая фигура; повтор; рефрен; обрамление; параллелизм; период.*

Svetlana Kh. Golovkina

Repetition as the Mean of Artistic Expression in the Poetry by N. Rubtsov.

The different types of repetitions in poetic texts of N. Rubtsov are investigated in the article, their semantic and functional features are set. The cases of root lexical repetition, methods of syntactic organization of repetitive elements (parallelism, anaphoric constructions) are analysed. The refrain and framing (inclusion) are examined as the special elements in the structure of text, their role in expression of maintenance of text and stylistic functions come to light. It was set as a result of analysis that according to the poet repetition becomes the fundamental principle of structural and semantic organization of text, one of the tools of subjective modality creation, of the authors attitude to the content, meaningful means of expressiveness, creating the special unique style of writer and emotional expression in artistic text.

Key words: *N. Rubtsov; stylistic figure; repeat; refrain; inclusion; parallelism; period.*

Повтор – универсальный механизм построения поэтического текста. Рассматривая повтор как одно из явлений функционирующей языковой системы, ученые исследуют его с разных позиций: «как экспрессивно-стилистическое средство, как грамматическое средство, как нарушение языковой нормы, как средство усиления, актуализации, гармонизации структуры текста, как содержательную категорию, то есть на уровне функционирования повторяющихся в тексте образцов, символов, мотивов и ситуаций» [Надеждин 2015]. В ряде работ представлены разные

подходы к классификации и определению функциональных особенностей повторов на разных уровнях образной системы [Арнольд 2002; Москвин 2007; Хазагерев 2009].

Повторы относятся к образным центрам языка, являются необходимым конструктивным элементом поэтического текста. Каждый поэт по-своему может использовать языковой материал для создания собственных новых экспрессивно-смысловых оттенков речи.

В поэтической системе Николая Рубцова – одного из русских поэтов XX века – это и способ организации структуры поэтического текста, и средство связи текстовых единиц, и средство художественной выразительности. Повтор служит выделению слов, ключевых для понимания содержания и модальности текста, становится характерной и неотъемлемой чертой индивидуально-авторского стиля поэта.

Нередкое явление поэтической речи Н. Рубцова – повтор слов одной части речи, а также однокоренных слов разной частеречной принадлежности в начале строки (в анафоре), на стыке или в конце строки (в эпифоре). Самым частотным у Рубцова оказывается глагольный повтор,

Светлана Христофоровна Головкина, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации

E-mail: sgolovkina@mail.ru

ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»

ул. Ленина, д. 15, Вологда, 160000, Россия

Vologda State University

15 Lenina str., Vologda, 160000, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Головкина С.Х. Повтор как средство художественной выразительности в поэзии Н. Рубцова // Русский язык в школе. – 2018. – № 7. – С. 61–66. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-7-61-66.

направленный на выполнение разных функций: а) обозначение длительности, непрерывности действия («*Горишь, горишь*, как добрая душа, / *Горишь* во мгле — и нет тебе покоя...»; «*И длится, длится* поневоле / *Тяжелых мыслей череда...*»); б) обозначение повторяющегося действия, сходного повторяющегося состояния («*Погружены* в томительный мороз, / *Вокруг меня снега оцепенели!* / *Оцепенели* маленькие ели, / *И* было небо темное, без звезд»); в) обозначение интенсивности действия («*Спасали* скот, *спасали* каждый дом / *И* глухо говорили: — Слава богу!»; «*Идут, идут*, как мысли, облака...»; «*Скрипят, скрипят* под ветками качели...»).

Повторяющиеся наречия в поэтических текстах Н. Рубцова эмоционально выделяют способ и степень проявления действия или признака («*Тихо* ответили жители: / — Это на том берегу. / *Тихо* ответили жители, / *Тихо* проехал обоз, / *Купол* церковной обители / *Яркой* травой зарос...»; «*Как* по саду, садику багряному / *Грустно-грустно* листья шелестят»; «— Прости, — сказал родному краю, — За мой отъезд, за паровоз. *Я несерьезно*. Я играю. Поговорим еще *все-речь*»). Повторение слов категории состояния служит у Рубцова выделению особого состояния природы или человека («*Глухо* в раскрытом окошке, *глухо* настолько, *Что* слышно бывает, как *глухо...*»).

Отметим также случаи субстантивно-го («С моста идет дорога в *гору*. / *А на горе* — какая грусть! — лежат развалины собора...»; «*И путь* без солнца, *путь* без веры / *гонимых* снегом журавлей...»; «Я не просплю сказанные *сосен*, / *Старинных сосен* долгий шум...») и адъективного повторов («*И сдержанный* говор *печален* / *На* темном *печальном* крыльце...»; «*Чтоб* удивительно *светлое* утро / *Встретить*, как *светлую* весть!»). В среднем то или иное слово повторяется в текстах Н. Рубцова от 2 до 4 раз. Однако есть произведения, целиком построенные на повторе, например, стихотворение «Угрюмое»:

Я вспомнил *угрюмые* волны,
Летающие мимо и прочь!
Я вспомнил *угрюмые* молы,
Я вспомнил *угрюмую* ночь.
Я вспомнил *угрюмую* птицу,
Взлетевшую жертву стеречь.

¹ Тексты стихотворений цит. по: Рубцов Н.М. Русский огонек. Стихи, переводы, воспоминания, проза, письма: в 2 т. — Вологда, 1994. — Т. 1.

Я вспомнил *угрюмые* лица,
Я вспомнил *угрюмую* речь.
Я вспомнил *угрюмые* думы,
Забывтые мною уже...
И стало *угрюмо. угрюмо*
И как-то спокойно душе.

Использование анафоры, параллелизм конструкций, повторы местоимения, глагола, прилагательного позволяют выразить особое эмоциональное состояние лирического героя. Так, с одной стороны, достигается высокий уровень экспрессии, с другой — на фоне повторяющихся компонентов особую значимость приобретают существительные, находящиеся в синтагматической связи с прилагательным *угрюмый*.

Интересны поэтические тексты Н. Рубцова, основанные на языковой игре с полисемией, точнее на антанаклазе — фигуре речи, базирующейся на повторении либо омонимичных, либо многозначных языковых единиц в разных контекстуальных значениях. В структуре повтора однокоренные слова и слова, имеющие этимологически общий корень. В качестве примера такого сближения в пределах небольшого контекста можно рассмотреть фрагмент стихотворения «Видения на холме»:

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в *леса* твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.
Они несут на флагах черный *крест*,
Они *крестами* небо *закрестили*,
И не *леса* мне видятся *окрест*,
А лес крестов в *окрестностях* России.
Кресты, кресты...

Как заклинание звучит фраза: *Россия, Русь! Храни себя, храни!* Риторическое обращение, лексический повтор, восклицательная интонация создают общий эмоциональный настрой контекста. Выразительность и эмоциональная насыщенность обусловлены столкновением в контексте слов одного этимолого-словообразовательного гнезда (*крест, закрестить, окрестность, окрест*). Крест здесь и изображение свастики, и знак, создаваемый движением руки, и могильный. Слово *лес* используется как в первичном значении ('пространство, заросшее деревьями и другими растениями'), так и в переносном — 'большое количество чего-либо'. В результате семантической диффузии в тексте развивается мотив испытаний, страданий, выпавших на долю Родины.

Во многом благодаря использованию в одном тексте разных типов повтора Н. Рубцов достигает музыкальности, напевности стиха. Не случайно произведения автора привлекают внимание современных музыкантов, композиторов, многие его стихотворения становились в разное время песнями («Плыть, плыть...», «Букет», «Улетели листья с тополей...», «В горнице», «Березы», «Зимняя песня» и др.), многие уже в авторском заглавии содержат слово *песня* и, по воспоминаниям друзей поэта, исполнялись самим Рубцовым под аккомпанемент гармони.

Не случайно традиционным для поэта является рефренный повтор — «композиционный прием повторения стиха или ряда стихов» [Квятковский 2000: 286] в разных частях стихотворения, своего рода песенный припев. «Следуя за различными куплетами, то есть входя в разные контексты, он приобретает все время новую семантико-эмоциональную окраску. Повторение слов лишь способствует ее выделению» [Лотман 1970, Электронный ресурс]. Обычно Н. Рубцов включает рефрен в текст стихотворения через каждые 2 или 3 строфы, создавая содержательные блоки той или иной текстовой модальности, позволяющие увидеть изменение состояния лирического героя в разных пространственных и временных планах. Несомненно, «одинаковые элементы обнажают и структурное различие частей поэтического текста, делают его более явным, поскольку бесспорно, что увеличение повторов приводит к увеличению семантического разнообразия, а не однообразия текста. Чем больше сходство, тем больше и разница» [Там же].

Рефрен выполняет композиционную функцию, играет роль средства ритмической организации стихотворения. В таком рефренном повторе у Н. Рубцова обычно участвует от 2 до 4 строк, включающих одно сложное или — реже — два осложненных предложения. При этом можно отметить случаи с полным лексико-синтаксическим и неполным (с заменой отдельных самостоятельных или служебных слов и некоторым изменением структуры и семантики предложения) повтором.

Стихотворение «Прощальное» («*Печальная Вологда дремлет...*») — пример полного повтора в рефрене (2 и 4 строфы):

Родимая! Что еще будет
Со мною? Родная заря
Уж завтра меня не разбудит,

Играя в окне и горя.

Рефрен участвует в формировании темпоральной сетки текста. Его содержание обращено к будущему, тогда как остальные части отражают образы прошлого и настоящего. Изменение модальности текста происходит за счет использования в рефрене риторического восклицания и вопросно-ответных структур. Именно рефрен становится средоточием рефлексии лирического героя, вызванной его эмоциональным состоянием глубокой тревоги, печали, безысходности от расставания, неотвратимости утраты, одиночества. Кроме того, многократные повторы за рамками рефрена разных форм прилагательных *печальный, темный* и наречия *печально* (1-я строфа — «*Печальная Вологда дремлет / На темной печальной земле...*», 3-я строфа — «*И дверь опустевшего клуба / Печально закрылась уже*», 5-я строфа — «*И сдержанный говор печален / На темном печальном крыльце*», «*все стало печальным в конце*», 6-я строфа — «*На темном разъезде разлуки / И в темном прощальном авто / Я слышу печальные звуки...*») создают общее настроение текста, а также служат его связи с заглавием. Контраст между отдаленным прошлым и настоящим в основной части стихотворения поддерживается за счет включения в текст после каждого рефрена пары слов, выражающих антонимичное содержание: *веселые трубы — двери печально закрылись, все было веселым вначале — все стало печальным в конце*. Настроение лирического героя становится еще более понятным после прочтения письма Н. Рубцова поэту Г.Я. Горбовскому: «Вообще, в Вологде мне всегда бывает и хорошо, и ужасно грустно и тревожно. Хорошо оттого, что связан с ней я своим детством, грустно и тревожно, что и отец, и мать умерли у меня в Вологде. Так что Вологда — земля для меня священная, и на ней с особенной силой чувствую я себя и живым, и смертным» [Рубцов 1994: 390]. Та же тема, сходное антонимическое противопоставление слов, называющих эмоциональное состояние (*мне хорошо — грустно, тревожно*), лексический повтор в тексте письма позволяют говорить о несомненной связи двух текстов.

В стихотворении «На ночлеге» функцию рефрена выполняют 3-я и 6-я строфы. В 3-й строфе: *И отправился в темный угол, / Долго с лавки смотрел в окно / На поobleкшие травы луа... / Хоть бы слово еще*

одно! — поэт использует форму прошедшего времени *смотрел*, в 6-й меняет ее на форму будущего времени *долго будет смотреть в окно*, создавая таким образом временную перспективу текста. На фоне повтора минимальная замена становится особенно заметной. Уходящее «сегодня» становится новым днем, но каждое «завтра» ничем не отличается от предыдущего дня. События повторяются, неизменно течет жизнь. Неполный повтор двух начальных (*Лошадь белая в поле темном. / Воет ветер, бурлит овраг*) и конечных строк стихотворения (*Лошадь белая в поле темном / Вскинет голову и заржет*) показывает, насколько существенны изменения в окружающем мире, всё в жизни повторяется и становится привычным.

Многие стихотворения Н. Рубцова содержат кольцевой повтор — обрамление: «Сапоги мои — скрип да скрип...», «Зимняя песня», «Дорожная элегия», «Плыть, плыть», «На ночлеге», «Привет, Россия...», «Прекрасно небо голубое!». Усилению воздействия на читателя способствует и активное использование поэтом разных видов повтора (лексического, морфологического, синтаксического) внутри обрамляющей части:

Сапоги мои — скрип да скрип
Под березою,
Сапоги мои — скрип да скрип
Под осиною,
И под каждой березой — гриб,
Подберезовик,
И под каждой осиною — гриб,
Подосиновик!

Повтор в начале и в конце текста не только служит структурной организации текста, сообщает ему особую мелодичность, но и вводит в текст образ лирического героя, предметов окружающего мира, позволяет показать в обрамлении и остальной части текста события разного времени, отграничить пространство реальное и мифологическое. Так в стихотворении «Сапоги мои — скрип да скрип» первое предложение начинает описание картины идущего по лесу человека как реального события. Следующая развернутая часть текста рисует картину мифологическую (*будто видит твоя душа сновидение*): далеко от села, в глуши лесной, ведьмы плачут жалобно и чаруют детским пением, сводят с ума, а тучи да лапы трясин кружат глаза. Мифологизируется и пространство, и время:

Таковы на Руси леса
Достославные,
Таковы на лесной Руси
Сказки бабушки.
Эх, не ведьмы меня свели
С ума-разума песней сладкою —
Закружило меня от села вдали
Плодоносное время
Краткое...

Лексические повторы в этой части стихотворения (*леса — лесной, с ума-разума*), параллелизм структур, инверсия направлены на создание текста, стилизованного под фольклорный (сказку, быличку).

Повторное использование первого предложения в конце текста позволяет вернуть читателя в реальность. Сходным образом организовано и стихотворение «Зимняя песня»:

В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звездами нежно украшена
Тихая зимняя ночь.
Светятся, тихие, светятся, чудные,
Слышится шум полыньи...
Были пути мои трудные, трудные.
Где ж вы, печали мои?
Скромная девушка мне улыбается,
Сам я улыбчив и рад!
Трудное, трудное — все забывается,
Светлые звезды горят!
Кто мне сказал, что во мгле заметленной
Глохнет покинутый луг?
Кто мне сказал, что надежды потеряны?
Кто это выдумал, друг?
В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звездами нежно украшена
Тихая зимняя ночь...

Начальная строфа определяет пространственную и временную позицию лирического героя и в то же время обозначает объект, ставший толчком для поэтической рефлексии (звездное небо). Последняя строфа возвращает героя в реальность из его внутренних переживаний, воспоминаний, надежд и сомнений. Лексические повторы на протяжении всего текста служат усилению непрерывности действия, интенсивности и глубины состояния или признака (*светятся — светятся, трудные — трудные, улыбается — улыбчив, трудное — трудное*), повтор в вопросительных предложениях (*кто мне сказал...*) также выполняет усилительную функцию, выступает как действительное средство оформления убеждения. Ради того чтобы окончательно перевести

сомнения в уверенность, в третий раз в вопросе поэт производит лексическую замену (*сказал — выдумал*). Потому и в последней строфе повторяющееся побудительное предложение (*Ты мне тоску не пророчь!*) воспринимается по-новому — как табу, а не предостережение или просьба, как запрет, вызванный предшествующими «светлыми» размышлениями лирического героя. Таким образом, в поэтическом тексте трудно говорить о существовании абсолютного повтора, «поскольку даже при полном совпадении отрывков текста меняется их место в целом произведении, отношение к нему,

прагматическая функция и др.» [Лотман 1972: 41].

В поэтических текстах Н. Рубцова можно отметить также случаи использования кольцевого повтора с заменой слов или словосочетаний, перестановкой компонентов фразы, изменением грамматической формы отдельных компонентов, модальности или цели высказывания синтаксической конструкции. Тогда 1-я и последняя строфы подобно диалоговым структурам вступают в отношения как реплика-стимул и реплика-реакция. Сравним 1-е и последнее четверостишие стихотворения «Березы»:

<p>Я люблю, когда шумят березы, Когда листья падают с берез. Слушаю — и набегают слезы На глаза, отвыкшие от слез.</p>	<p>Русь моя, люблю твои березы! С первых лет я с ними жил и рос. Потому и набегают слезы На глаза, отвыкшие от слез...</p>
---	---

В начале стихотворения поэт называет объект, вызывающий эмоциональное состояние (березы), в повторе 2-й строки дается уточнение времени (пора листопада), когда чувства проявляются особенно сильно. Состояние не названо, но описано через внешние его проявления в 3-й и 4-й строках.

В последней строфе происходит замена 1-й и 2-й строк — результат компрессии лирического описания в предшествующем тексте стихотворения. Образ получает символическое наполнение: береза — знак «своего пространства» (малой родины), ассоциативно связанный с могилой матери, гибелью отца в период осеннего листопада. Объяснение причины слез влечет замену глагола *слушаю* в 3-й строке на наречие *потому*. В структурном отношении меняются типы синтаксических конструкций (от сложного предложения к простым), и текстовая модальность (появляются усиливающие эмоциональную окраску текста риторическое обращение, восклицательная интонация). Усиливает экспрессию и поставленное автором в конце текста многоточие, создающее «эффект кома в горле», мешающего продолжить речь.

Наблюдения над поэтическими текстами («В сибирской деревне», «Зимняя ночь», «Подорожники», «До конца» и др.) позволяют утверждать, что прием кольцевого повтора с различными лексико-синтаксическими изменениями в последней строфе становится у Н. Рубцова устойчивой поэтической моделью для воплощения авторского замысла.

Среди синтаксических способов организации речи на основе повтора отметим период. Это сложноподчиненное предложение, в первой части которого (содержащей однородные придаточные) интонация повышается, а во второй (главной части) понижается. Период представляет собой «комбинацию синтаксического параллелизма или синтаксической анафоры, сопровождающейся повтором союза или союзного слова, ряда сходных предложений с возможным пропуском сказуемого (зевга) и интонационной антитезы [Хазагеров 2009: 205–206].

Это явление уникальное для поэзии Н. Рубцова, как, впрочем, редкое для всей русской поэзии, ведь «стихотворение, написанное в форме периода, свидетельствует о широте поэтического дыхания автора и зрелом мастерстве, при наличии которого только и можно совладать со сложной аппаратурой стиха, включающего в себя несколько строф» [Квятковский 2000: 244]. В классической русской поэзии яркими примерами таких текстов являются стихотворения А.С. Пушкина «Когда порой вспоминаешь...» (26 строк), М.Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...» (16 строк), А.А. Фета «Когда мечтательно я предан тишине...» (20 строк). Стихотворение Н. Рубцова «В глуши» содержит 16 строк, где 1, 5 и 9-я представляют собой параллельно повторяющиеся части придаточных времени, создающие особое напряжение в тексте:

*Когда душе моей
 Сойдет успокоенье*

С высоких, после гроз,
Немеркнувших небес,
Когда душе моей
Внушая поклоненье,
Идут стада дремать
Под ивовый навес,
Когда душе моей
Земная вьет святость,
И полная река
Несет небесный свет,
Мне грустно оттого,
Что знаю эту радость
Лишь только я один:
Друзей со мною нет...

Интонация антитезы поддерживается в главной части сложного предложения антонимической парой, определяющей векторы тематического развития текста: радость связана с осознанием того, что заключено в придаточных предложениях, грусть — с мотивом одиночества.

Таким образом, широкое использование разных типов повтора как текстообразующего и изобразительно-выразительного средства, сочетание в одном тексте лексического и синтаксического повторов — характерные черты поэтической индивидуальности Н. Рубцова. Повторение целых строф в разных частях текста усиливается за счет лексического (корневого, синонимического, антонимического) и морфологического повтора отдельных словоформ разных частей речи, синтаксического параллелизма, анафор, анастроф, эпифор и т.д. Композиционная особенность многих стихотворений Н. Рубцова — кольцевой повтор (инклюзия), или обрамление, с разной последовательностью включения повторяющихся строк, возможными заменами отдельных слов, изменением синтаксической структуры и эмоционально-экспрессивного содержания текста.

ЛИТЕРАТУРА

Арнольд И.А. Стилистика. Современный английский язык. — М., 2002.

Квятковский А.П. Школьный поэтический словарь. — 2-е изд., стереотип. — М., 2000.

Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста: Структура стиха. — Л., 1972.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста. — М., 1970 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotman/_Index.php (дата обращения: 28.04.2018).

Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь-справочник. — 3-е изд. — Ростов-на-Дону, 2007.

Надеждин А.М. Корневой повтор в художественной речи М.И. Цветаевой: дисс. ... канд. филол. наук. — Нижний Новгород, 2015.

Рубцов Н.М. Русский огонек. Стихи, переводы, воспоминания, проза, письма: в 2 т. — Вологда, 1994. — Т. 1.

Хазагеров Г.Г. Риторический словарь. — М., 2009.

REFERENCES

Arnol'd I.A. Stilistika. Sovremennyi angliiskii yazyk, Moskva, 2002.

Kvyatkovskii A.P. Shkol'nyi poeticheskii slovar', 2nd issue, ster., Moskva, 2000.

Lotman Yu.M. Analiz poeticheskogo teksta: Struktura stiha, Leningrad, 1972.

Lotman Yu.M. Struktura hudozhestvennogo teksta, Moskva, 1970, available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotman/_Index.php (28.04.2018).

Moskvin V.P. Vyrzitel'nye sredstva sovremennoi russkoi rechi. Tropy i figury. Terminological guide dictionary, 3rd issue, Rostov-na-Donu, 2007.

Nadezhdin A.M. Kornevoi povtor v hudozhestvennoi rechi M.I. Tsvetaevoi: Ph. candidate's thesis, Nizhnii Novgorod, 2015.

Rubtsov N.M. Russkii ogonek. Stihi, perevody, vospominaniya, proza, pis'ma: in 2 vol., Vologda, 1994, vol. 1.

Khazagerov G.G. Ritoricheskii slovar', Moskva, 2009.